

9. Александр Блок – Андрей Белый: Диалог поэтов о России и революции. М., 1990.
10. Долгополов Л. Андрей Белый и его роман «Петербург». М., 1988.
11. Паперный В.М. Андрей Белый и Гоголь: Статья вторая // Типология литературных взаимодействий: Тр. по рус. и слав. филол. Литературоведение. Тарту, 1983
12. Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М., 1963.
13. Волошин М.А. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. М., 1990.
14. Климова М.Н. Отражение мифа о великом грешнике в рассказе А.М. Горького «Отшельник» // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2000. Вып. 6 (22).
15. Курганов Е. Лолита и Ада. СПб., 2001.
16. Набоков В.В. Американский период. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. СПб., 1999.
17. Лем С. Лолита, или Ставрогин и Беатриче // Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М., 2000.
18. Злочевская А. Роман В. Набокова «Лолита» в контексте литературной традиции Достоевского // Достоевский и мировая культура. СПб., 1998. № 10.
19. Лихачёв Д.С. Размышления над романом Б.Л. Пастернака // С разных точек зрения: «Доктор Живаго» Бориса Пастернака. М., 1990.
20. Пастернак Б.Л. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. М., 1991.
21. Леонов Л.М. Вор. М., 1980.

УДК 82.0:801.6; 82-1/-9

Е.В. Зонова

СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОВЕСТИ М.Я. КОЗЫРЕВА «ПЯТОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ЛЕМЮЭЛЯ ГУЛЛИВЕРА...» И РОМАНА Д. СВИФТА

Вятский государственный гуманитарный университет, г. Киров

Повесть «Пятое путешествие Лемюэля Гулливера, капитана воздушного корабля, в Юбераллию, лучшую из стран мира, называемую также страной лицемерия и лжи» была подготовлена М.Я. Козыревым к печати в 1936 г., однако впервые читатель смог с ней познакомиться лишь в 1991 г.: представленная К.С. Юрьевым, она была опубликована в сборнике «Пятое путешествие Гулливера и другие повести и рассказы» серии «Волшебный фоляр» издательства «Текст».

Двести лет отделяет жизнь и творчество Михаила Яковлевича Козырева (1892–1941) от его великого предшественника Джонатана Свифта (1667–1745), но, несмотря на это, оба писателя обнаруживают некоторую близость и в особом взгляде на окружающий их мир, и в том, как это видение мира отразилось в их сатирических произведениях. М. Козырев не только написал продолжение путешествий знаменитого Гулливера, но и продолжил сатирические традиции Дж. Свифта, поэтому представляет большой интерес рассмотрение произведений М.Я. Козырева и Дж. Свифта в сопоставлении их творческого метода и художественной манеры.

Как и у Дж. Свифта, повесть М. Козырева написана от первого лица. Преследуемый по возвращении из страны гуингнмов церковью, Гулливер спасается от ареста на воздушном корабле, но поднявшаяся буря, уничтожившая все его запасы, за-

ставляет его опуститься к незнакомой стране. О порядках и обычаях этой удивительной страны под названием Юбераллия и рассказывает в своих записках капитан Гулливер.

Юбераллия – фантастическая страна, не только созданная воображением писателя, но и подсказанная самой современностью. Во всем, что так удивляет Гулливера: в жителях Юбераллии, в необыкновенных порядках, в необычных ситуациях – во всем прямо или косвенно отражается современный писателю мир, противоречивый и жестокий, справедливо названный «веком тоталитаризма» [1, с. 35]. Продолжая традиции Дж. Свифта, книга которого также множеством нитей связана с современной английской действительностью и в то же время имеет общечеловеческий смысл, М. Козырев затрагивает в своем произведении вневременные проблемы: свободы и сытости, мира и насилия, правды и лжи, красоты и жестокости, места человеческой личности в мире.

Произведения Дж. Свифта и М. Козырева близки не только по своей проблематике и идейной направленности, сатирики используют сходные сюжетно-композиционные ситуации и художественные образы, а также сатирические приемы. Так, Дж. Свифт очень часто прибегает к «материализованной метафоре» [2, с. 160]. Например, для того чтобы в Лилипутии сделать карьеру при дворе императора, необходимо показать угодничество и

ловкость, для этого надо с детских лет тренироваться в пляске на канате, «и кто прыгнет выше всех, не упавши, получает вакантную должность» [3, с. 35]. Примеры «материализованных метафор» можно найти и в повести М. Козырева. Интересно, что ловкостью, свойственной всем приближенным императора Лилипутии, должны обладать все ученые в Юбераллии, перепрыгивая через костры пылавших книг: «Члены академии наук должны были в полном составе перепрыгнуть через самый большой из костров, и те, кто не сумел этого сделать, были навеки исключены из ученого сословия.

С тех пор и установилась в Юбераллии любопытная система раздачи ученых степеней: так, кандидат должен был перепрыгнуть через костер из книг шириной в одну сажень, магистр – в полторы, доктор – в три сажени. Особая комиссия наблюдала, чтобы огонь достигал определенной высоты и чтобы у экзаменуемого не обгорели фалды его одежды» [4, с. 146].

Лесть, свойственная всем жителям Юбераллии и особенно придворным императора, находит свое выражение в «материализованной метафоре» – чудесном зеркале, превращающем урод в красавца, нищего в богатого, голодного в сытого, старые вещи в новые, грязную одежду в чистую:

«Чувствуя что-то неладное, я опять посмотрелся в зеркало, обратив внимание на свою одежду, – и чудо. Кафтан мой оказался столь же новым, как и десять лет назад, когда я получил его от портного. Мой кружевной воротничок приобрел снежную белизну, и даже мои башмаки оказались сшитыми из лучшего русского сафьяна.

– Прекрасное зеркало, – сказал я, – но...

И опять показал на зияющие дыры своего костюма. Горничная покачала головой, словно хотела сказать:

– Ничего не вижу, – и тотчас же повела меня к столу» [4, с. 117].

Политическая борьба, которая происходила между партиями вигов и тори в Англии конца XVII в., нашла свое отражение в романе Дж. Свифта в виде борьбы партий высоких и низких каблучков, существующих в Лилипутии. И хотя разница между партиями ничтожна, а также смешон сам предмет спора, сатирик тем самым показывает, что борьба между ними служит лишь тому, чтобы отвлечь внимание людей от насущных жизненных проблем. Религиозные же распри, происходящие в той же Лилипутии, показаны в виде борьбы тупоконечников и остроконечников. С какого конца разбивать яйцо? – этот вопрос заставляет идти фанатиков на смерть, ученых писать трактаты, народ совершать восстания. Продолжая традицию Дж. Свифта, М. Козырев показывает ничтожность и глупость политической борьбы в стране, где на-

род доведен до нищеты и нет места интересам человеческой личности. Так, в Юбераллии «основным вопросом, заставившим больше всего пролить крови и чернил, был, по словам придворных, вопрос о том, какие бороды следует носить истинным юберальцам – длинные или короткие» [4, с. 137]. В результате «длинная и окладистая борода стала считаться признаком высшей расы» [4, с. 138].

Чтобы юбералльцы не задумывались над подобными противоречиями: почему в лучшей из стран мира есть нищие и голодные, что заставляет преступника добровольно положить свою голову под топор гильотины и т.п. – их внимание сосредотачивается на разрешении более мелких проблем: какие юбки должны носить женщины и в каком порядке подавать кушанья за обедом.

Юбераллия М. Козырева и Лилипутия Дж. Свифта имеют еще одну общую черту – признанное милосердие и доброта императоров этих двух стран оборачивается на самом деле извращенной жестокостью и злобой, которые свойственны и приближенным королей. В «Путешествиях Гулливера» Дж. Свифта, например, друг главного героя, секретарь Рельдрессель, после составления обвинительного акта, уличающего Гулливера в измене, предлагает смертную казнь заменить более гуманной и мягкой мерой наказания – ослеплением. Подобно Дж. Свифту, М. Козырев силой своей иронии обнажает все убожество благодетелей, на которое способно правосудие Юбераллии во главе с ее императором: «Я был приговорен к самоубийству посредством лишения головы. Полицейский искренне поздравлял меня с необычной милостью, так как способ этот применялся редко ввиду дороговизны приспособления, и любезно объяснил мне несложную механику этой операции <...>

– Счастливо оставаться, – сказал полицейский, покидая меня перед орудием казни.

Я оценил и этот прекрасный обычай: никто не мешал преступнику с полным комфортом расположиться на эшафоте. Ему предоставлялась возможность еще раз раскаяться в своих преступлениях и даже зажаться никогда больше не совершать их» [4, с. 113–114].

Интересно, что подготовка к кровопролитной войне при одновременном проведении мирных конференций и утверждении своего миролюбия Юбераллией, а также извращенная жестокость «добродетельного» императора напоминают обычай, заведенный при дворе Лилипутии: «...если в угоду мстительности монарха или злобе фаворита суд приговаривает кого-либо к жестокому наказанию, то император произносит в заседании государственного совета речь, изображающую его великое милосердие и доброту как качества, всем известные и всем признанные» [3, с. 75].

И Дж. Свифт, и М. Козырев беспощадно высмеивают при этом стремление обоих императоров приблизиться к Богу. Правитель Лилипутии – такой же лилипут, как и его подданные, однако его рост почти на ноготь Гулливера выше роста остальных придворных, и именно это делает его «монархом над монархами», величайшим «из сынов человеческих». Император Лилипутии называет себя повелителем, «отрадой и ужасом» всей вселенной; он ногами упирается «в центр Земли», а головою «касается Солнца». Иронично высмеивает Дж. Свифт божественную предопределенность королевской власти, однако сатирик не забывает и о том, что в руках этого самовлюбленного монарха безграничная власть, что от малейшего его каприза зависят судьбы людей, судьба самого государства. Правитель Юбераллии в повести М. Козырева мало чем отличается от императора Лилипутии, более того, он ставит себя выше самого Бога:

«Насколько я мог понять, император склонен был самого себя считать выше всех богов и равным только создателю и властелину вселенной» [4, с. 124]. Однако Гулливер никак не может поверить тому, «что этот хитрый, жестокий и похотливый старик, большой любитель скабрёзных анекдотов, казней и пыток, был чем-то вроде полубога, если не представителем самого Творца на земле юбералльцев» [4, с. 124].

Гулливер, в отличие от всех подданных Юбераллии, не верит, но чрезвычайно быстро приспосабливается к новым условиям, то же самое происходит и в романе Дж. Свифта: и в Лилипутии, и в Юбераллии Гулливер идет на компромисс с монархами, участвует в военных авантюрах, предлагает свои услуги двору. Сатирики показывают, что деспотичное и самонадеянное правление обоих правителей возможно лишь благодаря раболепству и низкопоклонничеству самих подданных. С детства привитое раболепие перед королевской властью, почитание даже нелепых законов, освященных королевской властью, не позволяют герою решиться даже на защиту собственной чести и жизни. И в том и в другом случае Гулливеру остается одно – бежать.

Как следствие деспотичного императорского правления, и в Лилипутии и в Юбераллии является хорошо развитая система подавления и устрашения инакомыслящих, пользующаяся особым покровительством со стороны монарха. Беззаконие и произвол полиции, вмешательство армии в государственные дела наблюдает Гулливер в Лилипутии. Прогуливаясь по улицам Юбераллии, он отмечает: «Поражало обилие военных: черные, коричневые, серые мундиры, повязки, украшенные ломанным крестом, встречались всюду; бульвары, рестораны, улицы были переполнены ими. Держа-

лись военные полными хозяевами, третировали штатских, как это бывает и у нас в Британии во время войны» [4, с.136]. Особое значение в государственном устройстве Юбераллии играет личная гвардия короля: «Гвардейцы были незаменимы в случаях явного неповиновения или сопротивления властям: обладая наиболее чистой кровью и являясь поэтому живым воплощением расовой совести, они одним своим появлением в тех местах, где грозило возникнуть преступление, заставляли немедленно раскаяться даже тех, кто никакого преступления не совершал, а преступник немедленно выражал желание потерять самую способность впредь совершать преступления, если бы даже для этого ему пришлось расстаться с жизнью» [4, с. 156].

Для изображения пороков человеческой природы Дж. Свифт использует гротескный образ еху – злых, хитрых, трусливых, жадных и агрессивных полулюдей-полузверей, обладающих страстью к блестящим камням и происходящих от пары англичан. И если Дж. Свифт ставит человека выше еху: человек отличается от еху Дж. Свифта науками, искусствами, промышленностью и системой управления государством, то М. Козырев, позаимствовав данный образ у Дж. Свифта, показывает, что в Юбераллии «эти низкие животные оказались лучше людей» [4, с. 177], уничтоживших не только науку, искусство, промышленность и как таковую политику, но и позабывших об элементарных понятиях морали и нравственности:

«Я думал только о спасении. Может быть, мне удастся разжалобить это грязное животное. Я взмолился ему о пощаде, но голос изменил мне, и я услышал только свой невнятный стон.

Обросшая длинной грязной шерстью морда склонилась надо мной.

– Что с вами, господин? – услышал я довольно-таки приятный голос. В голосе этом чувствовалась жалость, сострадание, забота.

Новое открытие – в этой стране еху умеют говорить.

Преодолевая чувство гадливости, я взял протянутую мне руку и сел на землю. <...>

Это были не еху – это были фермеры его величества императора лучшей из стран» [4, с. 177–178].

Тема доносов и добровольных свидетелей, заявленная Дж. Свифтом, встречается и в повести М. Козырева. Один из прожектеров, ученых-изобретателей, в романе Дж. Свифта ставит перед собой цель – открыть антиправительственные заговоры. Гулливер, желая помочь ему, рассказывает об удивительном королевстве Трибниа, или Лангден, большая часть населения которого «состоит сплошь из разведчиков, свидетелей, доносчиков, обвинителей, истцов, очевидцев, присяжных, вмес-

те с их многочисленными подручными и прислужниками, находящимися на жалованье у министров и их помощников» [3, с. 209]. Английский писатель Джордж Оруэлл в своей статье «Политика против литературы. Взгляд на “Путешествие Гулливера”», комментируя вышеприведенную цитату напишет: «...мы словно попадаем в самый разгар русских политических процессов 1930-х годов...» [5, с. 389]. В Юбераллии М. Козырева, представляющей собой сатиру на тоталитарное государство, происходит нечто подобное: «Почти всегда приходится прибегать к “отеческому внушению”, заменяющему нераскаянному его потерянную совесть.

Органом, выполнявшим эту важнейшую функцию, был так называемый “совет отцов”, состоявший из виднейших сановников государства. Сотни чиновников, находящихся в распоряжении этого совета, имели каждый по сотне тайных агентов. Агенты эти должны были ежедневно сообщать чиновникам обо всех как совершенных, так и задуманных преступлениях, и чтобы не пропустить ни одного, пользовались услугами осведомителей, которых было так много, что из троих собравшихся в общественном месте людей двое, во всяком случае, были из их числа» [4, с. 139].

Общество гуигнгнмов, «разумных» лошадей, в романе Дж. Свифта, организованное по определенной кастовой системе, в основе которой – расовое начало, по своей сути напоминает общественное устройство Юбераллии с его разделением людей на высшую и низшую расы. У гуигнгнмов слуги, выполняющие самую тяжелую работу, отличаются по цвету кожи от своих хозяев и не скрещиваются с ними. Подобную картину мы наблюдаем и в повести М. Козырева: «...законодательство Юбераллии, оберегая чистоту крови своей нации, запретило все смешанные браки, а браки с представителя-

ми изгнанной национальности объявило недействительными и подлежащими очень суровому наказанию» [4, с. 143].

«Разумные» гуигнгнмы, почти не ведающие разногласий ни по одному вопросу, со своим «стадным» чувством в общем-то мало чем отличаются от «подданных великого государя Юбераллии» с «одними мыслями, одними чувствами, одними суждениями» [4, с. 127]. «Разум» гуигнгнмов обобщается в повести М. Козырева «обилием тупых физиономий» [4, с. 140]. Слепая любовь к своему императору превращает юбералльцев в механизмы, исполняющие свои обязанности и готовые в любой момент по приказу своего короля, не задумываясь, расстаться с жизнью.

Страна гуигнгнмов, созданная воображением Дж. Свифта, является идеалом лишь Гулливера, но не писателя. Сатирик с иронией описывает «разумных» лошадей, не ведающих любви и дружбы, страха и печали, гнева и даже ненависти, за исключением их отношения к еху, которых они хотели бы «стереть... с лица земли» [3, с. 290]. Еху у гуигнгнмов, как отмечает Дж. Оруэлл, занимают «примерно то же место, что евреи в нацистской Германии» [5, с. 394]. Таким образом, тема тоталитаризма, заявленная Дж. Свифтом, находит свое продолжение и в повести М. Козырева – сатирической аллегории на современный тоталитарный мир.

Сравнительно-типологический анализ образно-поэтических структур и глубинных смысловых контекстов повести М. Козырева «Пятое путешествие Гулливера...» (1936) и знаменитого романа Дж. Свифта показал, что голос знаменитого английского сатирика отчетливо слышен в повести М.Я. Козырева, малоизвестного, но самобытного и яркого писателя начала 1920–30-х гг. XX в.

Поступила в редакцию 29.12.2006

Литература

1. Игнатов А. Черт и сверхчеловек. Предчувствие тоталитаризма Достоевским и Ницше // *Вопр. филос.* 1993. № 4.
2. Штейн А.Л. Свифт и человечество // Штейн А.Л. *На вершинах мировой литературы.* М., 1988.
3. Свифт Дж. Путешествия Гулливера / Пер. с англ. Примеч. А. Аникста; ил. Жана Гранвиля. М., 1991.
4. Козырев М.Я. Пятое путешествие Гулливера и другие повести и рассказы. М., 1991.
5. Оруэлл Дж. Политика против литературы. Взгляд на «Путешествие Гулливера» // Свифт Д. *Путешествия Лемюэля Гулливера.* М., 1998.